

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

30 марта 2009 года 11 (142)

От редакции

Дорогие друзья! После длительного перерыва представляем вам новый номер нашей газеты.

Длительность перерыва имеет свои объяснения как объективные (конец триместра, каникулы), так и субъективные, заключающиеся, увы, в том, что корреспонденты работают плохо, а материалов от других гимназистов не поступает. Мы помещаем в газету в основном материалы, которые предлагают нам учителя: творческие работы и рецензии.

Редакция обращается ко всем гимназистам и учителям:

«Тишите в нашу газету!». Мы ждем ваших сообщений, отзывов, рассказов о том, что вас заинтересовало, что вас волнует, произведений собственного творчества.

В данном номере - материалы самые разнообразные. Это и отзывы о нашей Ярмарке, и музейные странички, и эссе, и статья о 9 классе «Г». Интересно многим будет прочитать музейные странички: вдруг кому-то захочется посетить эти музеи.

«Эссе об эссе» Юли Милоградской, 11 «Г» заслуживает особого представления.

Недавно мне довелось познакомиться с книгой Вайля «Стихи обо мне». Книга мне показалась достаточно интересной, но вот эссе-рецензия Юли об этой книге показалось не менее интересным. Зрелые и серьезные размышления одиннадцатиклассницы позволили мне совсем иначе взглянуть на книгу и перечитать ее снова. Спасибо Юле за это. (Гуткина Л.Д.)

Статья Маши Ероховец «Знакомьтесь - это наш класс!» открывает новую рубрику в газете. Кто следующий напишет о своем классе?

Ярмарка

В субботу, 21 февраля, в школе проводилась ежегодная ярмарка, и, конечно, все классы готовились к этому событию заранее. В преддверии ярмарки школа становится особенно красивой и шумной: на всех стенах ты видишь яркую рекламу, и вся школа наполняется голосами обсуждающих какие-то детали учеников.

И вот настает долгожданный день. Но перед ярмаркой надо дождаться окончания уроков. И, наконец, звенит звонок с четвертого урока, и ученики выбегают в коридоры. Но через десять минут в коридорах ни души: все готовятся к предстоящему торгу. Кто расставляет столы для кафе, кто раскладывает товары на столах на первом этаже, кто просто ждет, когда закончится подготовка. И вот минут через двадцать в коридорах появляются первые покупатели, и скоро вся школа наполняется шумом. По этажам бегают ученики и дают тебе листовки, расхваливающие то или иное место, по этажам ходят

ученики с лотками, полными сладостей, или ты просто слышишь, как какой-то человек расхваливает место, которое только что посетил. Но самое оживленное место в школе в это время - это холл на первом этаже. Там торговые ряды, на которых выставлены товары. Народ толкается и торгуется с продавцами. Ты покупаешь кучу безделушек, но, придя домой, понимаешь, что они тебе не нужны. Также ты наедаешься всякими кексами, булочками и пирожками. Но вот проходит час, полтора, два, и ты начинаешь уставать от шума и суматохи. В конце ярмарки непроданные вещи ученики продают по дешевке, просто разнося их по этажам. Придя домой, ты понимаешь, что очень устал, и весь оставшийся день посвящаешь отдыху. Так проходит большинство ярмарок, но все же каждый год в каждой ярмарке есть что-то свое.

Гуртовая Катя, 6 В

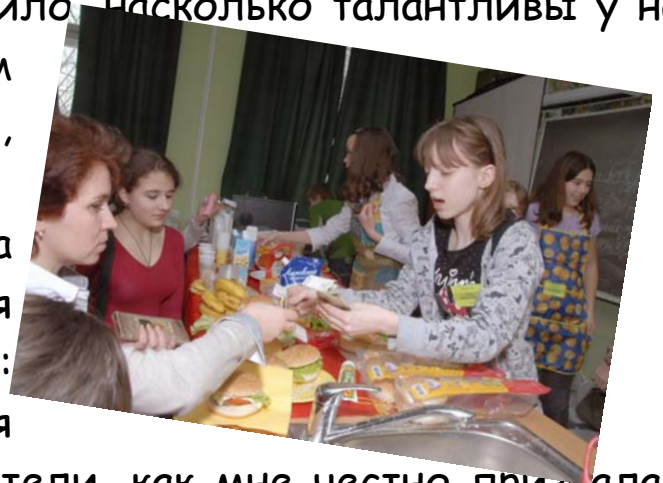
Ярмарка - 2009

- Что Вам больше всего понравилось в ярмарке этого года?
- Больше всего - настроение детей, - таким комментарием о ярмарке - 2009 поделилась со мной Софья Филипповна. И, действительно, в тот день гимназия ожила. Давно на лицах детей не было видно такого энтузиазма.

И, действительно, в тот день гимназия ожила. Давно на лицах детей не было видно такого энтузиазма.

В этой позитивной атмосфере в школе можно было встретить самые разные развлекательные заведения. Традиционные лавочки с выпечкой в этом году пользовались успехом. Наверное, это потому что уже к часу в школе было много голодных родителей и выпускников. Меня приятно удивило, насколько талантливы у нас ребята. Все с увлечением продавали картины, фотографии, браслеты, украшения.

Ярмарка - это день, когда детям и родителям дается возможность поменяться местами: дети усердно работают, продавая свои изделия или выпечку, родители, как мне честно призналась мама одного из учеников, с удовольствием участвуют в конкурсах и веселятся.

Как я уже заметила, в этом году в школу пришло много выпускников, и именно они устроили, наверное, самое яркое и грандиозное шоу на ярмарке - 2009. Баскетбольный матч. Сборная гимназии против сборной выпускников. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что на матч пришло около сотни человек. Любители спорта, азарта, игры, дети, учителя, родители, выпускники - все были захвачены энергией и динамикой этого шоу.

Большое спасибо организаторам ярмарки за прекрасное настроение и радость, которую вы доставили каждому, кто 21 февраля был в школе!

Ероховец Мария, 9Г

Знакомьтесь - это наш класс!

Чем гуманитарный класс отличается от других? Вы думаете, что жизнь гуманитария - это размышления над философскими проблемами бытия? Или вы думаете, что день без книги для нас - это мучительное наказание? Вы абсолютно правы! Как известно, наибольшую половину гумкласса составляют представительницы прекрасного пола, поэтому нередко для них философской проблемой бытия становится то, что нечего одеть, а книгой, без которой невозможно прожить, - последний журнал.

Мальчиков наших мы любим и бережем, «потому что на десять девочек по статистике 9 ребят...». У нас ситуация не лучше: на 15 девочек приходится всего 4 мальчика. Но какие! Кого ни возьми - Ромео, Казанова... Вот, например, Дима Шаталов. Увидеть Диму без дамы - большая редкость.

Или, например, Гриша Денисенко [никнейм Гриня] обладает невероятным обаянием, стоит только взглянуть в его глубокие карие глаза... Гриша - настоящий джентельмен. Вряд ли можно найти более галантного молодого человека.

Сергей Соколов. Чувство юмора Сереже не занимать. Он душа компании, с ним не бывает скучно. Он всегда поддерживает тонус нашего и без того веселого класса.

Думаю, все знают Сашу Дзусова. Один раз Наталья

Анатольевна

заметила: «Загадка Саши Дзусова посложнее загадки Леонардо да Винчи...». Действительно, чтобы узнать Сашу, нужно с ним познакомиться. Так что рекомендую.

С удовольствием перехожу к рассказу о наших девчонках!

Это Надя Вирясова и Наташа Лунц. Надя - это человек-позитив. У нее настолько заразительный смех, что рядом с ней просто грех не улыбнуться. Наташку я называю «Америка». Ну, во-первых, ни для кого не

секрет, что она в прошлом прилетела из США, а во-вторых, только у американцев такая белоснежная блистающая улыбка!

Не постесняюсь сказать, что в нашем девятом «Г» очень яркие и совершенно разные девчонки. Ну, посмотрите на них! (слева-направо) Это Аня Шанько. Невероятно добрый и искренний человек. Иногда ее даже называют

«мамочкой» за заботу и небезразличие к окружающим. Рядом с ней - Юля Муллина. Это очень яркая, умная девушка. С ней можно поговорить об искусстве, политике... да о чем угодно! Еще левее - Маша Кабанова и Диана Досаева. Девчонки - лучшие подружки, такой крепкой дружбе можно только позавидовать. Кто-то даже думал, что они сестры, но они, как и любой из нас, индивидуальны и прекрасны каждая по-своему.

Это Даша Петрушина. Очень энергичный и трудолюбивый человек. Занимается спортом, танцами, вольтижировкой...

Думаю, эта личность вам известна. Как и я, Надя Авдеева - корреспондент газеты «Гонг». Уверена, что в будущем она - успешный журналист. Надя отлично знает историю, много читает. Кстати, рекомендую почитать ее статьи.

На сайте «в контакте» я встретила ее с ником «мне весело». Настя Пащенко, наверно, самый позитивный и неунывающий человек в 9Г. Вы, наверно уже смогли убедиться в том, что у нас скучно не бывает. Настя обожает животных, а особенно свою собаку.

Еще одна Настенька, Родкина - добрый и милый человек. Удивительно обаятельна. Маленькая заметка для молодых людей: Настя любит стихи Есенина, так что покорить ее можно, прочитав пару строк из стихов поэта.

Аня Колосова, кстати, тоже знаменитый в прошлом году корреспондент газеты «Гонг» напоминает мне пушкинскую Татьяну из «Евгения Онегина». В ней есть загадка, есть что-то неповторимое... Вот и она, кстати.

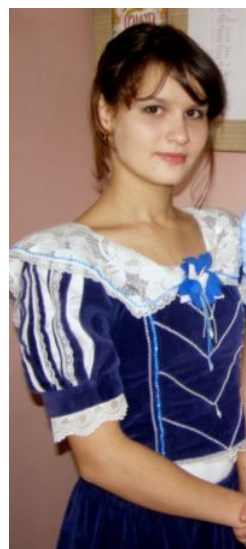

Вот сейчас подумала, что о всех пишу только хорошее! Но ведь действительно, несмотря ни на что, у нас в классе очень добрые и хорошие ребята...

Алиса Трундаева. Она никогда не откажет в помощи, она умеет посмотреть так, что становится теплее на душе...

Таня Гетлинг - яркая девушка, с незаурядным вкусом. Чем больше я задумываюсь о наших девчонках, тем больше радуюсь тому, какие они у нас разные, какие это яркие индивидуальности.

Женя Маленкова - это великий старший дежурный на протяжении всей истории нашего класса. Когда Женька болеет, сразу начинаются

проблемы... журнал потерян... все о нем забыли. Что бы мы без нее делали!

Кстати, я - Маша Ероховец. О себе рассказывать не буду, пусть останется маленькая интрига.

А это наш любимый классный руководитель Алексей Валерьевич Кузнецов. Он часто любит говорить, что с юности мечтал стать классным руководителем в женском классе. Согласитесь, что его мечта почти сбылась. Он стал нашим самым классным классным.

Музейная страничка

К чему минутопись путешествия и восковой глянец зеленоватых открыток с корабельным абрисом терракотового дома, с папоротниковой штриховкой сада, с миллионными копиями млечномутных фотографий в глазках и ресницах изъянов? К чему размеренная, как камертон, хронология шагов и статистика вдохов?

Мое воспоминание о музее Пастернака рождается «в комнате, в намеренно неверной перспективе, как на персидских миниатюрах или византийских иконах. Стоит вообразить эту комнату - от дивана до окна, от балки до пола, от года, запечатленного удивленно распахнувшей все свои царапины и вкрапления, как актриса в немом кадре - неестественные очи, фотографией, до июньского дня, редящего в солнечную охру и вновь мутнеющего, как вот та капля хрусталя на люстре, и через все тело прокатываются, обрушиваются (едва успеваю записать, как срывается занавес) все чувства и предчувствия, теперь только этому дню и принадлежащие. Мне кажется, например, что боль от сидения на палубоподобном полу (это шаги еще кого-то на лестнице глухо бухают) имеет форму моих коленей и локтей. Еще мне кажется, что, когда сидишь на полу, превзойденный вчетверо высотой книжных полок, сам принимаешь форму морщин дерева, становясь ими словно алхимически, лишь посредством осязания ладоней.

Или думаешь не о голом, как череп, столе и не о гладком, как челюсть черепа, рояле (Роог Уориск!), а о том, что в призраках книг, которыми выложены стены, живет еще, словно пугливое существо, какая-нибудь закладка с неисправимым перегибом, которая отмечает именно ту страницу, что я сейчас открою.

Открыл: тесная веранда, заполненная, загроможденная, забитая садом (это, конечно, тени и блики сада - зеленые,

яблочные, изумрудные, - но ведь еще на стенах в другой комнате висят картины из зеленых теней, в которых замерли импрессионистические женщины, и тогда продление сада в дом начинает жить такой же подвижной жизнью, положенной на бумагу игрою оттенков) и, помимо сада, рудиментами совершенно ничего не значащих вещей, автомобильным шумом деревьев, сложенными в груды, как черновики, часами и минутами, - но черновики пролистаем. Мне и вправду не думалось о строках, написанных за тем столом, о Гамлете и Фаусте, о Живаго (но не этот ли сад разросся в кологривовский?). Я не верю, что предметы могут в себе содержать что-то большее, чем витиеватость сравнения. Я не могу, видя стол, *вспомнить* стихи - я могу их только вообразить. Конечно, хочется уверять себя, будто эта замеченная прежде и едва ли существующая закладка в книге или клавиши рояля хотя бы в узорчатом отпечатке пальца сохраняют память о Пастернаке. Или что, воспользовавшись диковинным веществом, я смогу сделать видимыми строки, едва вдавленные в стол сквозь бумагу, словно сыщик в стилизованном угловатом плаще. Но переделкинский музей не принуждает вспоминать хотя бы оттого, что моя прапамять дремлет, память же не дотягивается до лет жизни Пастернака. Но эта боль в коленях, эта переменчивая слепота то от сияющих облаков цвета молодого вербного пуха, то от пронизанной светилom глубины комнаты - все это помогает сочинить самому Пастернака. Возможно, последнее, что он видел, был осколок как бы сикстинского неба меж дымки деревьев. Возможно, он писал, склоняясь именно так, как я воображаю. Точно (летописно), его последнее слово было - «рад». Но хроника пропускает и то, как именно он склонялся над не законченным еще стихотворением, а молоко и морок фотографий запечатлевают только ускользающий жест, только выражение глаз, только стечение обстоятельств (там, на заднем плане, мутно, но различимо, время указывают часы). Немного теперь столоверчения: Пастернак, которого я сочинил, вдыхая этот дом, оставляя его

на дне зрачка, слыша его биение, является шагами по лестнице, хрустом бумаги, хриплой рифмой, проходит сквозь воображение и исчезает, но фотоаппарат запечатлевает, а вспышка уже дотлевет. Мое воображение имеет форму Пастернака. Мое воспоминание имеет форму дома, закругленного, причудливого - стекло, и пыль, и выставка смуглой керамики, и болезненные оттенки картин, и шторы с глубоким вырезом, и сад застит взор. А там еще, в персидской перспективе, за углом, за несколькими извивами асфальта, - море ли это парит над кладбищем или сень сосен?

Еще до того, как войти в громоздкий дом, как войти в комнату, представив себя в которой я все это вспомню, я проходил мимо этого кладбища, и сосны не были похожи на море, парящее над землей, а по левую, если я все верно различаю в тускнеющем, слепнущем, мерцающем зеркале, руку свивалась, приумножая - повороты, дорога, и из летящего неба, из мимолетных дымов материализовалась Москва - и пропадала. И он входил в широкую, как монастырская трапезная, комнату - и пропадал. Мое воображение имеет форму сада - зеленотрепещет - и пропадает, и комната с обратной перспективой сквозит моей комнатой и эскизом коленопреклоненной и локтесогнутой боли и с перемешанными строфами дня, которые никак не слагаются в поэму, с быстро набросанным портретом Пастернака, видимого то за столом, то на веранде, то на одре, то вдруг, в каком-то фотографическом проблеске, в детстве на лошади, с которой через миг упадет, - но мы этого уже не различим. Мы не различим ничего. Я вспоминаю этот музей как бы в уже клочковатом предутреннем сне, и, когда просыпаешься, стены, построенные вычурностью стиля пространства и памяти, опадают, сад разбегается зелеными кругами перед глазами, стихи толпятся и бормочут сами себя, бормочут, ромбами и ямбами обрамляя свет, бормочут смутные аллитерации и овладевают слухом.

Богданов Сергей, 11Г

Маяковскому

*Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут:
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.*

Музей
Маяковского красным
постмодернистским
разломом
вываливается на улицу
своей резкостью и
прямотой. Этот музей
посвящен человеку,
которому масштаб
личности позволял
вынести на плечах

революцию и который не смог вынести, кажется, самого простого и для поэта-манифестанта и для тринадцатого апостола, воспевающего машину и Англию. Его жизнь - это путь гиганта, которому некуда деться в собственной «комнатке-лодочке», такой бережной, нежной и белой, как облако. Эта комната, кажется, противоречит остальному миру музея, как противоречит Маяковский сам себе, ведь действительно, «что может хотеться этакой глыбе? А глыбе многое хочется!» Мы в этом музее, как внутри Маяковского, видим его сердце в маленькой хрупкой комнатке, окруженной мощью угловатых, наиболее устойчивых по законам художественного жанра фигур-химер, рожденных сознанием поэта.

Он изломал себя так, «чтобы были одни сплошные губы», меняя тона, он заблудился в лабиринте собственных чувств, его запирали в комнате, и он писал гениальные стихи. Маяковский находит применение своей

громде и заходит в своем пути до отметки, когда пути назад уже нет, а «любовная лодка разбилась о быт». Маяковский будто бы задевает все настолько сильно, что ломается сам: он толкает революцию и теряется в ней, как маленький ребенок, который бросается к цели, которой нет в действительности, его ломает, казалось бы, хрупкая и слабая женщина:

*Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм
Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему
перечень взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданью.*

Человек, который бросает небу вызов и ставит себя в один ряд с «крылатыми прохвостами», человек, у которого «гвоздь в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете», готовый, «брошенный в зубы эшафоту, крикнуть: «Пейте какао Ван - Гутена» и вместе с тем «осмеянный у сегодняшнего племени, как длинный скабресный анекдот», оказался беспомощен и слаб перед чувством и перед женщиной, а она

*Взяла,
отобрала сердце
и просто пошла играть –
как девочка мячиком.*

Любовь Маяковского - любовь гиганта в своей мощи и в то же время - искреннего мальчика в своей особенной трогательности. Маяковский во всем идет до конца, в своих нигилистических плакатах и выступлениях противоречит самому себе, прячет душу от осмотров в желтую кофту, плачет на коленях у Лилички, площадной сутенер и карточный шулер толкает собственные идеи-зablуждения:

*Выньте, гулящие, руки из брюк –
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук –
пришел чтоб и бился лбом бы!*

Это все один и тот же человек, потерявшийся в себе, загнавший и вывернувший себя до такой степени, что его количество лет выплясало до конца слишком рано. «Раздраженный Везувий» может победить идею, но не может - собственные чувства. Если составлять палитру эмоциональных красок Маяковского - получатся те цвета, каких больше всего и в музее: бордово-красный и ярко-желтый, а в самом сердце - белый, цвет его

комнаты, куда он, «как собака, несет перееханную поездом лапу», уносит свою трагедию. Его любовь - тяжелая гиря, но она досталась не Брик, а ему самому. Как говорят, инцидент исперчен. Давайте - знаете - устроимте карусель на дереве изучения добра и зла.

Попов Максим, 11Г

Эссе об эссе

Вайль - эссеист по профессии. Все знают, что эссе - это в первую очередь Вайль, и все хотят прочитать Вайля, прежде чем поехать или увидеть, чтобы узнать компетентное мнение. Ведь Вайль - эссеист, а значит, у него должно быть свое мнение. И здесь наступает ответственный момент. Его эссе неудержимо напоминают рецензию. Возникает впечатление, что он переполнен знаниями, и уже ничто не спасет читателя от потоков информации. Удержаться на тонкой грани между путеводителем и эссе необыкновенно сложно, поэтому я, как правило, трусливо бегу от ответственности. Вайль оказывается более смел, и получается автобиографический очерк, предлог для которого - стихотворение Анненского. Заглавие «Стихи про меня» и слава эссеиста дают ему на это полное право.

Рецензия не делает выводов, передавая, может быть, эмоции (без субъективности не обойтись), но это в любом случае эмоциональные факты. Факты, которые предлагают самому вынести суждение. Эссеист пишет с уже сложившимся мнением. Кажется, что сам жанр должен маскировать любые недостатки как предельно свободная форма выражения мыслей. Но как раз это и создает границы. Сформулировать идею, не скатываясь в биографию, в отчет, в тезисы. У Вайля, бедняги, не получилось. Он нанизывает подробности одна на другую, и эта нарочитая небрежность обращения с фактами, эти бесконечные скобки утяжеляют мысль, загромождают пространство, и идея уже плохо различима.

Уже во втором абзаце он пытается сбежать от поэзии, где что-то ничего не понятно, и углубиться в биографию. Мы с интересом узнаем, что Анненский входил в ученый совет министерства просвещения и что у него был дефект шейных позвонков. Безусловно, Вайлю удастся достаточным количеством вводных слов замаскировать эти громоздкие мелочи, но за ними теряется мысль, которую он хотел донести, - не мысль Ходасевича или Маяковского - а его собственный вывод, его собственное впечатление. Поэтому слова «возникает острое ощущение» неожиданны, как крик души.

Кажется, как будто Вайль расстроился: здесь же и воспоминание современника, и мировоззрение, и параллель с античностью, а по-прежнему не понять. «Похоже, это все-таки заблуждение - что искусство доступно вполне». Анненский ведь писал о том же. Иногда нужно не понимать, а чувствовать. Идея автора только тогда может быть до конца понятна читателю, когда созвучна его мыслям, когда дает ответы на волнующие его вопросы. Задача искусства - воздействовать на все органы чувств сразу, мгновенно, заставляя размышлять, не соглашаться, спорить. Вайль пытается найти ответы в подробностях - чем болел и что кому говорил. Невозможно разгадать подтекст. Невозможно авторитетно заявить: в данном стихотворении Анненский имел в виду именно это. Каждый волен найти свое объяснение, свой ответ.

«Слова, они и есть слова» - главная мысль! Он нашел ответ, решение, но, видимо, придавая оттенок презрения этой фразе, все бросил и углубился в проблемы освещения - у них, мол, свеча, а мы утратили. Зачем нужны «они»? Он не хочет выйти с Анненским один на один - соотнести его мироощущение со своими взглядами. Стало бы понятнее.

Таким образом, возникает глобальная по своим задачам и предельно точная по способу выражения рецензия на всю литературу в целом. О задачах творчества в принципе. Сознательно, а может быть, бессознательно, Вайль пошел проторенным путем, соотнес бесполезные биографические подробности с ненужными деталями мировоззренческой обстановки в обществе и вышел на вселенский общелитературный уровень размышления. Он не стал приводить известные испокон веков диалоги книгопродавцев с поэтами. Просто «не понять». И это заставляет размышлять, рассуждать, докапываться, что же ему непонятно. Он написал рецензию, которая вызывает на дуэль. Рецензию, которая рождает эссе. Ведь невозможно не написать ответ на его статью, он вынуждает это сделать. Ведь все вышесказанное, якобы с целью обличить вайлевскую некомпетентность, оказывается собственным рассуждением, собственной попыткой найти решение, собственным эссе. Интересно, он это нарочно?

Милоградова Юля, 11Г